

АЛЕКСЕЙ СОМИНСКИЙ

**Записки вечного студента,
или С приветом из 80-х**

Алексей Соминский

**Записки вечного студента,
или С приветом из 80-х**

«Издательские решения»

Соминский А. Г.

Записки вечного студента, или С приветом из 80-х /
А. Г. Соминский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505042-7

Сборник рассказов Алексея Соминского — воспоминания о незабываемых годах (1980—1985) студенчества в свердловском УПИ, наполненных нелепыми, смешными, трогательными историями, которые погрузят в атмосферу тех лет и придутся по душе читателям, чья молодость пришлась на это время. Книга будет интересна и молодым читателям, которым представляется прекрасная возможность заглянуть в прошлое, увидеть изнутри жизнь поколения их родителей, показанную на примере абсолютно реальных персонажей. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-505042-7

© Соминский А. Г.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
День рождения Васи	7
Общага	9
Жесть	10
Кровать	11
Мастер	13
Имена	15
В. Мельников	18
Еловских	20
ССО (студенческие строительные отряды)	22
День донора	25
«Военка»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Записки вечного студента, или С приветом из 80-х

Алексей Григорьевич Соминский

*35-летнему юбилею окончания
факультета
Металлургического
Уральского Политехнического Института им. С. М. Кирова
г. Свердловска посвящается*

© Алексей Григорьевич Соминский, 2019

ISBN 978-5-0050-5042-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я очень надеюсь, что пока будут дышать хотя бы двое из нас, шоу будет продолжаться. И оно должно продолжаться. Наши редкие встречи и нечастые созвоны будят память и не позволяют уйти в забвение истории, свидетелями и участниками которой мы были. А когда уйдет последний наш персонаж, может быть, эти записки станут для кого-то тонкой нитью, сталкером в те далекие годы, когда мы были молоды, счастливы, и все еще только начиналось. The show must go on – Шоу должно продолжаться!...

От автора

Где-то глубоко, в глухих закоулках памяти, таятся яркие воспоминания о давно минувших днях нашей студенческой молодости. Они завалены терабайтами информации, накопленными за десятилетия после тех золотых времен, поэтому не очень простая задача вынуть их из этих закоулков, встряхнуть, отфильтровать и выдать на общий суд максимально приближенными к действительности, лишь слегка освежив и приукрасив. Огромное спасибо Сергею Гилеву – идейному вдохновителю, сумевшему подтолкнуть к созданию этих записок, принявшему посильное участие в их написании, реально всколыхнувшему и приподнявшему завесу времени. Благодарность тем, кто сумел откликнуться на призыв поделиться своими воспоминаниями, явившимися ценным материалом, вошедшим в сборник рассказов: Аркадию Михайленко, Дмитрию Еловских, Алексею Киселеву, Сергею Ладыгину, Сергею Харьковцу, Дмитрию Артемову.

Мои юные друзья! В душе мы по-прежнему остаемся теми же свердловскими студентами из 80-х, изрядно видоизмененными, но от того не утратившими молодой задор и преданность студенческому братству. Эта книга – посвящение всем нам, свято хранящим память о нашем общем времени и веру в своих друзей. Уж нет с нами некоторых из нас, тех, для которых время остановилось на взлете. И пусть книга эта станет, в том числе, напоминанием о них, живущих в наших сердцах и навсегда остающихся живыми участниками всех описываемых событий.

Желаю вам приятного прочтения и мягкого погружения в историю. И если вдруг возникнет жгучее желание поделиться своими воспоминаниями, то знайте – точка в нашей истории еще не поставлена. Продолжение следует...

День рождения Васи

«Рабфаковцы». Особая каста «абитуры»¹. Думаешь сейчас: пацаны, 20-и лет от роду, после службы в советской армии на льготных условиях поступившие в институт. Но это – сейчас. А тогда! После армии! Серьезные дяди! Институт, конечно, не армия. Никакой муштры, «упал-отжался». Но авторитет «рабфаковцев», по определению, имел место быть среди младших товарищей. Особенно на первых порах, пока все еще не познакомились поближе, не сплотились и в едином строю не двинулись к победе над высшим образованием.

Отплясав и отпраздновав зачисление в Уральский Политехнический Институт, вся «абитура» в принудительном порядке была откомандирована в подшефный институту совхоз «Косулинский» Белоярского района помогать аграрному сектору вершить уборочную страду на бескрайних морковных полях.

Расселили нашу группу, тогда еще МТ-115, в одном из многочисленных фанерных домиков на территории деревни Косулино. Представлял из себя тот дом зрелище вполне убогое: с улицы попадаешь в тесный квадратный коридорчик с печкой в углу и вбитыми в стены гвоздями (а-ля вешалки для верхней одежды); из коридора – две двери: прямо – в большую комнату, где поселилась малолетняя «абитура», и направо – дверь в комнату поменьше, где особнячком от прочего гегемона, обосновались «рабфаковцы». В обеих комнатах вдоль стен плотненько друг к другу стояли двухъярусные панцирные кровати. Из обстановки это было все.

Из воспоминаний Сергея Ладыгина

Сбор урожая моркови – дело, конечно, нужное, можно сказать, государственное. Но – ужасно муторное и скучное. Когда ни свет ни заря тебя вынимают из постели и, накормив в столовой чем-то непотребным, невзирая на мерзкую погоду, гонят в поле. И там ты обязан, хочешь – вприсядку, хочешь – на карачках, выполнять норму: собрать и упаковать по ящикам морковку с целой грядки до самого горизонта. Рядом копошатся такие же промокишие, чумазые товарищи, выковыривая из склизкой земли заветные корнеплоды, и только мышкিপелевки бойко снуют в зарослях бесконечной морковной ботвы. Но мне крупно повезло, когда Алексея Соминского, в качестве художника-оформителя, назначили выпускать стенгазету, типа, боевого листка. И, хотя у меня вообще нет никаких способностей к рисованию, он настоял перед руководством, чтобы взять в помощники именно меня. А все потому, что были мы земляками и неплохо знали друг друга со времен, когда еще учились в одной средней школе №32 в Первоуральске. Газета носила агитационный характер – о высоком статусе процесса уборки урожая моркови и бравых настроениях задействованных в нем студентов! И ничего, что Алексей взял на себя исполнение всей художественной части работы, а я был только при нем, зато в течение нескольких дней нашего кропотливого, созидательного труда мы были напроць освобождены от полевых работ! Бинго!

И вот как-то в один из дней, наполненных унылой рутинной шефской помощи при поддержке постоянно морозящего знобливого осеннего дождика, прошелестела стрекозой юркой весть, в одночасье всех взбодрившая: у одного из «рабфаковских», Севастьянова Василия, юбилей намечается! Аж 25 годков мОлодцу стукает!

К слову сказать, среди «рабфаковцев» был Вася фигурой заметной: за 180 см ростом, здоровяк, тот еще бройлер, бицепс, что твоя голова в объёме. И при этом внешности ангель-

¹ «Абитура» – сокр. от «абитуриент»: в данном случае – гражданин (-нка), успешно сдавший (-шая) вступительные экзамены в вуз и зачисленный (-ная) на 1-й курс данного вуза. Короче, пока еще недоделанный студент.

ской: лицо розовое, волосы белые, кудрявые, щеки с ямочками, глаза голубые, распахнутые. Короче, ангел во плоти, а не к. м. с. по самбо, коим он, между прочим, являлся.

И не корысти ради, и не подхалимажа для, а из побуждений чисто гуманных захотелось нам устроить маленький праздник: и человечка отметить, с юбилеем поздравить, и самим походу встряхнуться. А какой же в 1980 году на просторах Косулинских отыскать сюрприз на потеху вновь рожденному? Но-таки, нашлось.

Группа МТ-115 в колхозе.

Крайний справа – Василий Севастьянов

В комнате, где размещались служивые, на верхнем ярусе кровати, стоящей вдоль стены напротив двери, в позе «по-турецки» восседал юбиляр. Ватагой, дружную гурьбою ввалились мы в апартамент. Подарок – 3-х литровая, обвязанная бантиком, банка парного молока из-под местной коровы и большой белый батон из местного сельпо. Вручили имениннику. Радость! По коечкам набилось «рабфаковских», а мы с гитарой наперевес исполняли музыкальную часть поздравления юбиляру. Картина маслом: на сцене – под гитару горланящий хор с поздравительным плакатом над головами, в партере – зрители, а в правительственной ложе – «малыш Гаргантюа», Василий Николаевич, искренне радующийся нашим песням, прихлебывая при этом молочко из 3-х литровой банки, держа ее одной рукой, как стакан, а в другой руке – батон, покусывая его, словно обычный кусок хлеба. Задел для праздника удался!

Общага

Общага – это отдельная планета и целый мир, твое тавро на всю оставшуюся жизнь. Кто прошел те пять лет, прочувствовал биение ее пульса и натяжение нервных струн, получил ожог от страстей, кипящих и фонтаном бьющих по каждому, попавшему в ее обшарпанные жернова, уже давно не боится ничего, готов ко всякому и понимает многое. Общага вывернула наизнанку всю твою сущность как твари земной. И тут так: либо ты принял ее всю безусловно, окреп, заматерел и возлюбил всеми фибрами многогранной души своей и неумного таланта, либо ты изгнан, не принят и не востребован. Но это лишь в одном случае – если ты говно. К счастью, среди наших такого нет! А если кого и прогнали, то по причинам чисто административным, как-то: неразрешимых разногласий с правилами социалистического общежития или слегка аморального поведения, что воспринималось соплеменниками с пониманием и не порицалось.

Железное правило общаги – два раза не предлагать. Чего ни коснись, и по нынешней жизни это правило работает. Как в вопросах профессиональных, личных, так и, например, в воспитании детей. Здесь самое главное – вовремя сделать паузу после своего заявления. А уж потом уточнить, что второго подхода не будет. И уже на уровне безусловного рефлекса любое поступившее тебе деловое предложение просчитывается в голове быстро, и решение принимается так же, поскольку понимаешь, что гражданин, сделавший посыл в твой адрес, тоже мог в свое время пройти пятилетнюю обкатку в студенческом общежитии.

Жесть (из воспоминаний Сергея Гилева)

На первом курсе нас поселили в общежитие электро-технического факультета, «электрофака» – корпус №14, что на улице Коминтерна, 1а. В общежитии была не коридорная система, как в «шестерке» или в «девятке»², где нам еще предстояло пожить, а секционная.

Жили мы в комнате четвером: Леха Соминский, Сергей Ладыгин, Серега Пильщиков и я – все первоуральские. Чуть позднее в нашей комнате на нелегальном положении подживал Андрюха «Гома» Меньшиков. За какие-то проказы он уже на старте официально был лишен теплого места в общежитии.

Пережили по тихой грусти первый семестр, первую сессию, долгую холодную зиму – и вот пришла весна! Потеплело, из земли полезла трава, а из щелей наших комнат полезли эти кровососы. Клещи!

Я спал крепко и от укусов этих сволочей не просыпался. Но просыпался от звуков увесистых шлепков тапком по стене. Это Леха бил гадов.

Общежитие №14. 1-й курс.

Слева направо: Андрей «Мастер» Ефремов,
Владимир Шохин, Дмитрий Артемов, Алексей Киселев,
Дмитрий Еловских, Сергей Ладыгин,
в центре – Михаил Ваулин

Со временем даже установилась некая норма: проснемся среди ночи, уберем штук по десять – и дальше спать. Пытались как-то спастись от них: отодвигали кровати от стен, установив ножки в банки с водой – не помогало. Гома, спавший посреди комнаты на двух сдвинутых столах, надевал на ночь подштанники и футболку с длинными рукавами, а на руки – чистые носки (чтоб кровопийцы не пролезли в рукава). Помогало, но не кардинально. Эти кровожадные твари действовали как десантники – заползали на потолок и оттуда пикировали прямо на спящие жертвы. Причем, в нашей комнате они активизировались только ночью, днем прятались, а в комнате, где жили наши соратники Миша Ваулин и Витя Прохоров, они и днем преспокойно барражировали по стенам.

² «Шестерка», «девятка» – общежития №6 и №9 в микрорайоне Втузгородок, в которых традиционно расселялись студенты металлургического факультета УПИ.

Кровать

Это была странная кровать. Из 4-х, стоящих в комнате, она отличалась особыми интерфейсом и легендой. Прежде всего, она никогда не заправлялась: волны вздыбленных простыней вперемешку с голубым покрывалом, промятый матрац и подушка с изжеванной, наполовину съехавшей наволочкой – это было ее обычное, нормальное состояние. Да! Смена постельного белья в общежитии проводилась регулярно. И это были те редкие дни, когда кровать меняла хотя бы цвет простыней. Все остальное оставалось незабываемым и неприкосновенным – памятником при жизни, гимном владельцу этого гнездовища! Полковнику! Герою Советского Союза! – как говаривал незабвенный куратор нашей группы Вадим Иванович Степаненко, когда случался повод «припечатать» особо «отличившегося» студента.

А, во-вторых, это была Бездна, притягивающая и всасывающая в себя все!

– Твою мать! Где мой транспортир?! – отчаянный глас вопиющего в пустыне.

Там можно было случайно обнаружить любую пропажу: безвозвратный потерянный галстук, чужой носок, тетрадь с конспектами по истории КПСС, тубус, циркуль и еще много интересного и нужного.

Причем это было имущество всех четверых обитателей комнаты, сказочным образом, в одночасье, оказавшееся во чреве жуткого объекта общежитской субкультуры, монстра, вывернутого наизнанку во все стороны одновременно.

Сергей «Джавдет» Гилев

Но апофеозом этого вселенского хаоса являлся САМ! Создатель! Творец! Гуру! Сергей Анатольевич Гилев – хозяин кровати. Спящий безмятежным сном праведника в кратере вечного скандала.

– Ну, как же так, Серега!?! Не может быть! Ты спишь, не чувствуя всего? – в вопросах гнев, и безнадега, и мольба...

В ответ – раскаяние, невинный, скорбный взгляд, в недоумении вскинутые руки. Короткое, но искреннее:

– Нет.

...Как-то по весне, открывши форточку, развернулся в сторону комнаты, окинув разом всю. И взгляд упал на многострадальное Серегино лежбище:

– Долина Джанов... – выпорхнуло на выдохе из ниоткуда. И прилипло к Сереге на века звонкое, как хлыстом по тугому – Джан! Джавдет! Джаник! Наконец-то, получив вывеску, действие обрело логическое завершение, принеся облегчение всем. Ежели где-то что-то упустил, проел, забыл – даже не парься, ищи в «долине Джанов»... И, ведь, блин, обязательно найдешь!..

Мастер

Мастер! Эх, Мастер... В нашем простом быту – это Андрюха Ефремов. Исключительно противоречивый персонаж. Со своим прозвищем он закатился в группу МТ-115 с «рабфака». После армии. Серьезный, спасу нет. Но только – на первый взгляд. При более пристальном рассмотрении понимаешь, что перед тобой раздолбай высшей категории качества. Но раздолбай хороший, правильный. Его физиономия (до кучи, с перепутаной фамилией) есть на нашей общей выпускной фотографии. Однако, он так и не окончил институт, по-честному отучившись все пять академических лет. Он просто не успел к сроку защиты подготовить дипломный проект. Вот и все! Деятельный стройотрядовец, покоровивший не одну «целину»; штатный фотограф ССО (студенческого строительного отряда) «Арго», готовый всю ночь напролет проявлять пленки и печатать фотки с проведенного агитационного мероприятия, «агитки», для отчетного материала в утренней стенгазете. В подтверждение своей клички, он мог маникюрной пилкой, разогретой на огне зажигалки, починить калькулятор, спаяв контакты. Уважаемый человек, живущий интересами группы и отряда. И в то же время...

Кампус УПИ во Втузгородке предполагал ряд 4-х и 9-этажных общежитий, в каждом из которых проживали студенты того или иного факультета. Здания находились в шаговой доступности друг от друга. И вот однажды приглашен был Мастер в гости на «инжэк», то есть в общежитие, где селены были студенты инженерно-экономического факультета.

Уж времени случилось 3 часа, когда ночной этаж был оглашен нечеловечьим воплем Мастерюги, вдрызг пьяного и грязного притом. Все повскакали с коек в коридор: кто был в трусах, а кто – в чем мать рожала. Картина жуткая при этом предстояла, когда зигзагами движение верша, от стенки к стенке, двери все сшибая, шел Мастер... Красная струя из подбородка лилась, не стихая. И путь кривой своей кровью орошая, мольбу о помощи неистово вопя. Безмолвно кинулись на выручку друзья спасать беспомощного, пьяного терпилу. И, придавив к кровати что есть силы, наладились повязку учинять, чтоб лишней крови брату не терять...

Удобства в общежитии были на этаже, с одного конца коридора для девочек, с другого – для мальчиков. Объект «М» представлял из себя помещение, поделенное на две части, в одной из которых находились умывальники вдоль всей стены с мутными зеркалами над ними, старая чугунная ванна в углу и давно не мытое окно, а в другой – 4 унитаза, разделенных крашеными в убойный цвет фанерными перегородками. Одним из развлечений студентов, справлявшихся, извините, большую нужду, было вырезание из читаемых тут же газет и журналов разных заголовков, объявлений и т. д. и приклеивание их на перегородку. Вырезки несли смысловую нагрузку согласно происходящему на «толчке» процессу: «Выдадим на-гора квартальную норму!», «Окажем помощь голодающим народам Африки!» – и все в таком духе. Поэтому посещение заведения было не только оздоровительным, но и довольно увлекательным занятием.

Очнувшись поздним утром, в еще не до конца вернувшемся с «инжэка» сознании, побрел по стенке Мастер в туалет. Из рукомойника испив глоток водицы и, лишь собравшись с силами умыться, увидел в зеркале трагический портрет. И на вопрос резонный: «Че за бля?» – повязку с яростью сорвал чувак с себя. Привязанные к Мастеру надысь, присохшие бинты отодрались – и вновь напором, что намедни учинил, он рукомойник красным окропил!

Короче говоря, закончилась эта грустная история из жизни Андрюхи Ефремова наложением швов в травматологии и оставшимся на недобрую память шраме. Позже выяснилось (путем мучительных раздумий и выхода в поля), что перемещалось в ночи погостившее, как следует, Андрюхино тело в сторону родной «шестерки» через сквер. На ту беду, поперек пути следования какая-то сволочь вырыла траншею под теплотрассу. А для усиления каркаса, блядь такая, еще и навтыкала арматуры. Мостик через тот окоп для простых советских граждан был

вполне «съедобный» – деревянный, с перилами и добротно сколоченный. Но не для Мастера! Навернувшись мимо моста в теплотрассу, он подбородком налетел на штырь. И не убился!!! А как выбрался наружу и добрался до становища – вопросы-загадки навсегда. Тайна, покрытая мраком ночного кошмара. Бр-р-р...

Имена

Не угадать было заранее, что группа МТ-515 лишь к моменту окончания института форму приобретет законченную, цельную, как полностью собранный паззл: каждый фрагмент займет на игровом поле свое собственное место, органично вписавшись. Процесс «собирания» шел безостановочно в течение всех пяти лет, начиная с 1-го курса, когда по факту зачисления в вуз собралась пестрая компания, которой предстояло пройти «притирку», «обкатку», «шлифовку» и прочую «обработку давлением» в новом коллективе. По ходу складывания общей картины потери оказались неизбежны. Как говорится, не все дожили до рассвета. Но имена свои фрагменты те вписали в историю группы на добрую память, т.к. личностями оказались запоминающимися. Вот некоторые из них:

1. Андрюха «Гома» Меньшиков был ходячим кладезем крылатых фраз. На первом курсе я иногда записывал его высказывания по разным поводам, где-то в закромах хранится этот небольшой цитатник. Юмор его был, в основном, ненормативного формата. Но смотреть на него и слушать, что он «лепит», без смеха было невозможно.

Было жалко расставаться с Гомой, когда с третьего курса его изгоняли из института за nepозволительное обилие «хвостов» – хроническую неуспеваемость по многим предметам. Хотя тянули его в плане дружеской поддержки и взаимовыручки почти всей группой. Такой эпизод. В «зачетную неделю», предвещающую летнюю сессию, Гома не получил зачет по английскому языку. В конце «зачетной недели», когда выяснилось, что у него, в том числе, и «косяк» по английскому, разогнув скрепки зачетной книжки Джавдета, вынули страничку с проставленным зачетом, и таким же образом вставили эту страничку в зачетку Гома. После чего он подошел к нашей «англичанке», Ольге Александровне Саховой, и с досадой, и даже некоторым возмущением в голосе, сообщил, что в зачетной ведомости забыли зафиксировать его, успешно сданный, зачет. При этом показал свою зачетку с Джавдетовой страничкой. Ольга Александровна, в изумленном состоянии от такой оплошности, заносит информацию в зачетную ведомость. Все! Зачет Гома сдал. Пострадали только скрепки на Джаниной зачетке.

...А Гому мы все-таки потеряли. Особенно, когда неожиданным образом у него образовалась гражданка, и на почве неумейной любви он окончательно задвинул учебу.

Андрей «Гома» Меньшиков, Алексей Киселев,
Андрей «Чердак» Шардаков – 1-й курс

2. Андрюха «Балабол» Балабкин (дополнительная погремуха – «Каскадер»). Этот был из славной когорты бойцов, которые не вынесли пытку свободой. Некоторые иногородние мальчики и девочки под родительским непробиваемым контролем прилежно 10 лет учились в школе, вели себя прилично, прекрасно сдали выпускные экзамены и со своими 4,5 баллами в аттестате зрелости легко поступили в вуз. А уж там, выпав из гнезда, заселившись в общагу,

принялись вкушать свободу полной пригоршней, почуяв пьянящий вкус ее до самозабвения, до степени точки невозврата. Балабол был из этих. Весьма неглупый парень, компанейский. Но спекся уже на 1-м курсе, «положив» на учебу абсолютно и с большим удовольствием, променяв ее на жизнь разгульную, угарную, беспутную. Благополучно был забрит в Красную армию. А когда мы учились на 4-м курсе, нарисовался во всей красе своего дембельского мундира в звании целого сержанта ВДВ. Посидел с нами на лекциях, потусовался недолго, как всегда улыбчивый и дружелюбный. И испарился. Уже навсегда.

3. Андрюха «Чердак» Шардаков. Во истину творческий, артистичный, музыкальный малый. Он настолько гармонично вписался в процесс стройотрядовского движения, что на остальные глупости времени не оставалось вообще. Ему интереснее, как режиссеру, организовывать агитбригаду ССО «Грэй», в итоге доведя ее до лидирующих позиций среди стройотрядов, писать сценарии и стихи для слетов, сочинять анекдоты, петь песни под гитару и радовать поклонниц. Безусловно, это было значительно увлекательней, чем теория пластичности, теоретическая механика, высшая математика и прочая академическая мутотень. Но, в итоге, в этом перетягивании каната в течение 4-х лет «учебы» «мутотень» победила «мельпомену», выплюнув Чердака, как пробку из бутылки горячо им любимого портвейна №777 («три топора», для тех, кто не знал), хотя была реализована попытка оттянуть эту неприятность путем использования «академического отпуска». Однако, к большому сожалению, финал был предрешен.

На какие только изуверские ухищрения не был заточен изворотливый студенческий, по жизни воспаленный, мозг!

На ознакомительной практике после 2-го курса. Верхний ряд: преподаватель Знаменский В. И., Андрей Меньшиков, Алексей Бычков, Дмитрий Еловских; средний ряд: Виктор Прохоров, Валерий Кобелев, Алексей Соминский; нижний ряд: Сергей Митрофанов, Алексей Киселев. 1982 год.

Вспоминается случай с братьями-близнецами по фамилии Гурбан, которые учились на год младше. «Двое из ларца – одинаковых с лица». Так те, вообще, делили сессию на двоих: один за обоих сдавал одни зачеты и экзамены, другой – другие. Только зачетки успевали

менять. Педагоги даже предположить не могли такого коварства. Вроде бы их потом разоблачили и обязали на экзамены приходить одновременно....

В. Мельников **(из воспоминаний Сергея Гилева)**

«Ой, да не вечер, да не ве-ечер.
Мне малым-мало спало-ось.
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось...»

Гитара в его руках казалась игрушкой, когда он запевал свою любимую песню...

Большой человек, Виктор «Малыш» Мельников стал старостой группы на втором курсе, когда его предшественник Александр «Кузов» Кузовков вместе со вновь обретенной супругой, нашей же одногруппницей, Маргаритой, в девичестве Суворовой, перевелись на вечернее отделение УПИ, отбыв в Нижний Тагил на приличном месяце Риткиной беременности.

Малышом его в шутку прозвали, еще на «рабфаке». Двухметрового роста, косая сажень в плечах, с шевелюрой кудреватых черных волос – Виктор с первого взгляда вызывал невольное уважение.

Здоровья в нем было на десятерых. Он сам вспоминал, что когда ему было лет 15, и он гонял по своему родному Полевскому то ли на мопеде, то ли на мотоцикле, наряд милиции, пожелавший его задержать, в одиночку не справился – пришлось вызывать подкрепление.

Его земляк Андрюха «Гома» Меньшиков рассказывал, что уже в то время был Витя в городе личностью известной. Любил, бывало, побродить по лесу, свежим воздухом подышать, да поохотиться. И когда неожиданно выходил с берданкой наперевес из густых зарослей на каких-нибудь залетных грибников, у тех случались паническая атака и послабление желудка.

«Трубники»: Сергей Ладыгин, Сергей Пильщиков,
Галина Гермагентова, Валерий Кобелев, Нина Захарова,
Виктор Мельников, Алексей Соминский, Сергей Гилев

Выпить он мог, не пьянея, очень много. В будущем это ему пригодилось на посту коммерческого директора «Михайловского завода по обработке цветных металлов» (ОЦМ). Опять же из его собственных воспоминаний про школьные годы: «Мама мне всегда говорила: «Витя! Ты много-то не пей! Бутылочку выпей – да и хватит!»

Однажды, собравшись в общаге по очередному поводу, сбросились и отправили за спиртным на УКМ³ Гому. Вскоре он принес целую авоську вермута. Вермут оказался дешевым, но на редкость противным; наливали на доньшко стакана и пили, ужасно морщась. А Малышу стакана не хватило, так он наполнял себе пол-литровую банку приблизительно наполовину, пил и приговаривал: «Да нет, ничего, нормальный вермут!»

Уже институте у Малыша проявлялась настоящая инженерная смекалка. Во время его работы в стройотряде «Авангард» нужно было демонтировать фундамент. А фундамент оказался невероятно крепким – отбойными молотками здоровые мужики с трудом откалывали от него лишь маленькие кусочки. Время работы стройотряда истекало, фундамент так и не поддался. Тогда Малыш договорился с руководством объекта, что он и еще несколько парней останутся на «халтуру» и за определенную сумму закончат демонтаж фундамента.

В итоге, запросив у начальства железнодорожные домкраты, «авангардовцы» успешно и без нечеловеческих усилий разрушили и разобрали «неподдающийся» фундамент.

Авторитет у Малыша был огромный, и по одному его слову вся группа заканчивала отдых и начинала работать (так было в колхозе после 4 курса), хотя перед этим «комиссар», институтский руководитель колхозного «десанта», безрезультатно полчаса увещевал нас «кончать перекур». Так же по предложению Малыша мы практически всей группой поехали на субботах на озеро Песчаное – что-то там мы заколачивали – не помню, что.

Впоследствии эта поездка на субботах мне очень пригодилась – зачли несколько часов отработки, чтобы получить зачет по физкультуре.

³ УКМ – сокр. «Угол Комсомольская – Малышева» – знаковое место для каждого студента УПИ: продуктовый гастроном с винным отделом и пунктом приема стеклотары, находящийся на перекрестке улиц Комсомольская и Малышева г. Свердловска.

ЕЛОВСКИХ

Откуда берутся друзья? Или, как люди становятся друзьями?

В детстве – это безусловное приятие человечков, рядом с тобой копающихся в песочнице, или гуляющих на участке ясельной группы, или рядомсидящие на таких же, как у тебя, эмалированных горшках. Дальше – школа. Чья-то 10-летняя попытка слепить из «эмалированного горшка» что-то путное. По отношению к одному – так себе попытка, к другому – более успешная. И почти уже осознанный отбор подрастающих человечков в свой ближний круг.

А еще дальше – высшая школа! Единение с себе подобными, ставшими на выходе неотъемлемой частью тебя самого; с теми, кто, несмотря на большие расстояния и долгое молчание, всегда в памяти и кому ты всегда рад. С теми, кого ты без всяких сомнений называешь – мои друзья!

С чего, например, начался Димка «Германец» Еловских? Ревдинский чувак, к Германии никакого отношения, кстати, не имеющий.

Вступительный экзамен по математике. Римская аудитория в главном учебном корпусе (ГУКе) УПИ. Вариант задания оказался вполне решаемым. И времени на исполнение – в избытке. Все случилось: задачи решены, уравнения уравнены, проверка сделана. Можно расслабиться. Но не тут-то было. Слышится шепот с высоты следующего яруса нашего амфитеатра:

– Парень, парень...

Да уж не меня ли кличут! Вращаю головой, рефлекторно прикрывая рукой решение вступительного математического задания.

Германец

Товарищ, сидящий наискосок от меня в следующем ряду, активно жестикулируя, радостно шепчет:

– Парень, у нас с тобой варианты одинаковые...

Что было делать в этой ситуации – порадоваться за себя, или за того, с верхнего ряда? Или – за обоих сразу?

– И че?

– У меня со вторым вопросом фигня, не могу решить, – диалог начал принимать предметные очертания.

То ли забыв об абитуриентской вступительной гонке и конкуренции, то ли, как те Чип и Дейл идут на помощь, но руку с листка я отодвинул, дав тому товарищу исправно передрать все, что нужно. Со зрением у него был порядок, так как оказался малец, как выяснилось позже, несостоявшимся военным летчиком, не прошедшим в летное училище медицинскую комиссию по причине высокого роста – не формат для кабины советского истребителя. Или бомбардировщика...

Вступительные экзамены еще продолжались. И, пробегая как-то по этажам учебного корпуса, случайно столкнулись мы с тем челом. Уже, типа, как старые знакомые:

– Ну, как? – мой вопрос.

В ответ он растопырил ладонь, давая понять, что по математике у него, как и у меня, «пятерка»! И разбежались каждый по своим абитуриентским делам.

То, что мы окажемся по факту поступления в институт в одной академической группе, будем несколько лет жить в одной комнате общежития и станем настоящими друзьями, конечно же, мы с Димкой Еловских тогда предположить не могли. Ведь математику в тот день сдавала не одна сотня желающих быть зачисленными на разные факультеты и специальности, незнакомые люди, вынужденные попутчики, заточенные лишь на свой собственный успех. Неисповедимы пути людские...

ССО (студенческие строительные отряды) (из воспоминаний Сергея Гилева)

В годы нашей учебы стройотрядовское движение было, наверное, в самом расцвете. И это понятно: за полтора летних месяца «целины» парни в некоторых стройотрядах зарабатывали огромные деньги – до полутора тысяч рублей, в то время как средняя зарплата инженера была в 10 (десять!) раз меньше.

Боец ССО «Арго» Сергей Пильщиков

Были, конечно, и неудачные годы, и вечно неудачные отряды. Так, в ССО «Грэй» на первой «целине» я заработал аж 150 рублей. Причем, у всех остальных «грэевцев» заработок был примерно такой же.

Наша группа распределилась по факультетским стройотрядам так: Серега «Рома» Пильщиков и Мастер были в «Арго», Малыш – в «Авангарде», Димка «Германец» Еловских – в «Антее», Володя «Кшоник» Новокшенов – в «Гефесте».

Боец ССО «Антей» Дмитрий Еловских

Больше всего «ОМДшников» собралось в «Грэ»: Андрей «Чердак» Шардаков, Андрей Поздин, Вовка Шохин, я, а также Леха Заостровский и Юра «Валданян» Валдайских из 14-й группы. Для зачисления в отряд потенциальный боец должен был пройти «кандидатский стаж», за время которого необходимо проявить себя со всех лучших сторон. За этим присматривали действующие ветераны отряда. Такими «кандидатами» в «Грэй» побывали еще и Леха Бычков, Димка Артемов и Андрей «Балабол» Балабкин.

Боец ССО «Грэй» Владимир Шохин

Иногда организовывались фестивали стройотрядов: несколько отрядов собиралось на каком-нибудь стадионе или в парке культуры (возможно даже на выезде, в других городах области), где проводились выступления, конкурсы, спортивные соревнования, концерты. Как

правило, такие мероприятия проходили при большом скоплении отдыхающей тут же публики, с активным ее привлечением.

Помню, как проходил фестиваль стройотрядов во время второй моей «целины». Я был отрядным поэтом и нужно было написать стихотворное приветствие ССО «Прометей». А многие парни из «Прометея» перед целиной побрились наголо. По этому поводу у меня родились такие строки (по ритму и манере исполнения, как у Роберта Рождественского):

Вам бы руки такие, как ноги,
Вам бы ноги такие, как брусья,
Вам бы волосы – с ног на головы...
Будет лучше? Сказать не берусь я!

В ответ они во время приветствия «Грэю» выкатили гроб с алыми парусами...

День донора

Очень важное событие в жизни студента – день донора. В институтской поликлинике в этот день наплыв небывалый. Со всех факультетов и курсов стягиваются к больничке студенты поделиться своей дурной кровушкой абсолютно не за деньги. И что же это – высокая сознательность? Или невероятный альтруизм? Но не все так просто, граждане! Оказывается, кровавые жертвы вполне оправданы и подкреплены конкретным интересом: во-первых, за немного откачанной крови донору вручался разовый талон на усиленное питание, во-вторых, в деканате ему списывалось несколько часов прогулов без уважительной причины и, в-третьих, в этот день можно было официально отсутствовать на занятиях, проводя его в праздности и бездельи.

Вот и прет голодный прогульщик искупать косяки свои. Кровью! Особо циничные ухитрились сдать двойную норму за двойные бонусы. Причинно-следственные связи в действии!

Поскольку мы были не из пятерочников, занесло и нас с Гомой на тот гешефт. Отстрелявшись, получили заслуженные «плюшки» и пошли отоваривать обеденный талон. Словно муравьи по тропе, тянулись бесконечной чередой студенты-доноры в столовку через заветный УКМ, затарившись живительной влагой.

Столовая по прозвищу «Этажерка» гудела, как заправский кабак. За столами уже веселые компании приканчивали усиленную донорскую пайку, опохиваясь при том сладкими портвейнами. Кое-где по полу катались пустые «огнетушители»⁴. Конвейер работал на полных оборотах. Выполнившие миссию, отобедав и отпив, отваливали кто куда. Их места занимали вновь прибывшие. И так – весь трудовой день. Столовские скрипели, кряхтели, но деваться некуда – спецобслуживание! После трапезы зачем-то нас с Гомой понесло в институт, на лекцию по физике. Лекция еще не началась, когда мы, два кренделя небесных, нарисовались в римской аудитории. Я, как обычно, расселся в первом ряду, а Гома взошел на верхние ярусы, где сидели Джавдет, Чердак и другие наши «однопартийцы».

Прозвенел звонок. Мучительно давалось одновременно вникать, конспектировать и делать умное лицо. А Гому по ходу лекции развезло пожиже, и он начал издавать невнятные, но громкие признаки жизни, привлекая внимание аудитории и лектора, Феликса Ароновича Сидоренко.

В стремлении урезонить, товарищи уложили Гому на скамейку вздремнуть. Но, уже лежа, разутый, он умудрился так махнуть копытом, что слетевший носок, ласточкой воспарив над

⁴ «Огнетушитель» – стеклянная бутылка темно-зеленого цвета емкостью 0,8 л.

амфитеатром, приземлился перед носом какой-то девочки, старательно записывающей за преподавателем. В общем, попытка обуздать донора провалилась, едва не сорвав лекцию. Еле дождавшись перерыва, Гому обули и, вытолкав из аудитории, спровадили в общагу спать.

Я на морально-волевых досидел пару до победного, поскольку еще в зимнюю сессию получил от Феликса Ароновича «клизму» на экзамене за прогулы и угрозу, что если он не увидит мою личность на каждой своей лекции за первой партой, то летняя сессия станет для меня последней. Так что при любом раскладе заполняемости аудитории все знали, что одно место в первом ряду на ближайшие полгода ангажировано. И всегда занято. Мной!

* * *

А вы знаете, дорогие товарищи, что такое «шпага»?

Упс! Сабля такая?

Да ни хрена-то вы, товарищи, не знаете!

«Шпага» – это авиационный спирт, который заливался в боевые самолеты ВВС Советского Союза в качестве химической составляющей противообледенительной системы, а также для омовения стекол. По факту приземления самолета на аэродром базирования после успешного выполнения боевого задания сэкономленный спирт успешно сливался, подвергался фильтрации и очистке от керосина и прочих примесей. Ну, а затем шел по прямому назначению – промывке внутренностей летного состава и бойцов наземной службы технической поддержки. Вот так, товарищи!

«Военка»

(из совместных воспоминаний с С. Гилевым)

Со второго курса в нашей учебной программе появился удивительный предмет – военная подготовка. И продолжался до четвертого курса включительно. Ему (предмету) был посвящен один учебный день каждую неделю. У девушек в этот день был халявный выходной, а мы к 8.00 уже были построены в линейку вдоль коридора 3-го этажа здания военной кафедры для проверки и развода по классам согласно расписанию занятий. Как под копирку, все были упакованы в одинаковую форму: брюки, оливкового цвета офицерскую рубашку, цвета хаки форменный галстук с заколкой по уставу, комсомольский значок. И не приведи Господь появиться в этом ристалище в джинсах. Это был прямой путь к изгнанию из священных стен первым же офицером, которому ты попался на глаза, ибо:

– Товарищ студент, не пристало советскому комсомольцу ходить в штанах вероятного противника! Отставить!

Изучение материальной части танка, вооружения, тактические занятия, строевая подготовка – для наглядности классы были напичканы учебной информацией, плакатами и брошюрами, а также имелись в натуральную величину танковые узлы, агрегаты, пушка с затворным механизмом. Все преподаватели – офицеры в чине не ниже майора. Процесс постижения военной науки неизменно переплетался с суровым армейским юмором, виртуозами которого были все наши командиры без исключения.

Майор Гуськов:

– Товарищи студенты! Бронебойный снаряд, попадая в башню вражеского танка, пробивает броню, и экипаж китайских ланцетупов равномерно растекается по внутренней стенке башни танка (привязано к текущей политической обстановке на тот момент).

Майор:

– Товарищ студент, как называется эта часть пистолета?

– Рукоятка, товарищ майор!

– Садитесь, два. Это рукоятка с винтом!

У меня были карманные часы на серебряной цепочке. Один конец пристегнут к поясу, другой, с часами – в кармане брюк. На уроке с мелом в руке отвечаю на вопрос у доски. Преподаватель, майор Пачелин, увидел мою цепь. Комментарий на весь притихший класс:

– Знаете, зачем Соминскому цепь?.. Он на нее яйца пристегивает, чтобы не потерять.

Иногда на практические занятия нас водили в технопарк, входящий в комплекс военной кафедры. В ангарах стояли танки Т-55, по которым нам иногда позволялось ползать.

– Товарищи студенты! Эта часть двигателя – стальная, сделана из чугуна...

На время разбирали-собирали автоматы и пистолеты, пытаюсь уложиться в армейский норматив.

Переодев нас в танковые комбинезоны и поделив на четверки (по количеству членов экипажа машины боевой), проводили тактические занятия «на местности». Называлось это «пеший по-танковому». Каждый из четверки играл свою роль. Двигаясь синхронно, изображали движение танка в бою и взаимодействие его с другими «экипажами». И смех, и грех наблюдать за кучей мордovorотов, играющих в войнушку, издающих при этом разные команды и звуки.

Но живыми легендами военной кафедры и центральными персонажами многочисленных анекдотов были майор Коцюба и подполковник Каскинбаев. Внешне они походили друг на друга формой лиц и пышностью фигур, напоминая две приземистые седовласые груши.

Своими перлами на лекциях они постоянно поддавали огня для сочинительства новых историй, из поколения в поколение передаваемых студентами из уст в уста.

Начальник военной кафедры – майору Коцюбе:

– Товарищ майор, почему вы пришли на службу в одном черном и одном коричневом ботинках? Сходите домой, переобуйтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.